

ПЕТРОВСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК И ИСКУССТВ
ОТДЕЛЕНИЕ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

№ 1

2008

7516

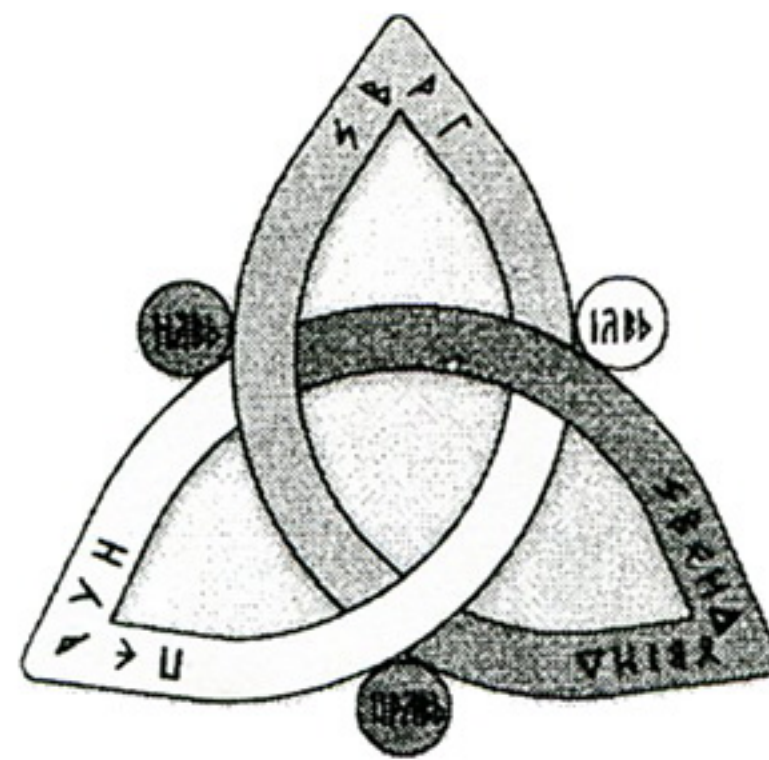
от создания
мира

«Единство – возвестил оракул наших дней, –
Быть может спаяно железом лишь и кровью...
Но мы попробуем спаять его любовью, –
А там увидим, что прочней...»

Ф. Тютчев

С Л Я В Я Н С К А Я П Р А В Д А

Научно-популярный
и
историко-литературный журнал

Санкт-Петербург
Издательство «Русина»

Главный редактор
Дубовская Ольга Федоровна,
член-корреспондент ПАНИ,
Дипломант Федерации космонавтики России

Заместители главного редактора
Гнатюк Валентин Сергеевич,
член-корреспондент ПАНИ, член Союза писателей Украины (Днепропетровск)
Мельников Иван Иванович,
член-корреспондент ПАНИ, член Союза художников России (Самара)

Редакционный Совет
Майборода Леонид Александрович,
лауреат Государственной премии СССР, профессор –
председатель редакционного Совета
Поляков Вячеслав Анатольевич, член Союза Дизайнеров России, атаман станицы
«Никольской» (Санкт-Петербург) –
заместитель председателя редакционного Совета
Гнатюк Юлия Валерьевна,
член Союза писателей Украины, член-корреспондент ПАНИ
(Днепропетровск, Украина)
Кузьменко Татьяна Ивановна,
преподаватель музыкального колледжа им. М. П. Мусоргского,
член-корреспондент ПАНИ (Санкт-Петербург)
Мехнецов Анатолий Михайлович,
заслуженный деятель искусств России,
профессор консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова (Санкт-Петербург)
Никифоров Владимир Викторович,
директор издательства «Астерион», кандидат технических наук (Санкт-Петербург)
Чечнева Валентина Семеновна,
член-корреспондент ПАНИ (Санкт-Петербург)

Главный художник
Рамодин Олег Михайлович,
член Союза художников России (Самара)

К ИСТОРИИ КАЗАЧЕСТВА

Вопрос о начале казачьей истории остается весьма дискуссионным. В споры сегодня вовлечены многие краеведы и профессиональные историки. К ним активно подключаются современные атаманы и все пишущие на казачью тему. Например, атаман Верхне-Донского округа (ВКО) «Всевеликое Войско Донское» Ю. И. Карташов отстаивает точку зрения, что «казаки – это четвертый восточнославянский народ».

Вопросы о происхождении и первенстве заселения территории вряд ли могут быть решены однозначно. Мы придерживаемся точки зрения, что в районе Нижнего Дона – Приазовья существовали определенные предпосылки для закрепления здесь славянского населения, ставшего основой для формирования казачества. Однозначно датировать сам момент появления казачества не представляется возможным.

Для нас, очевидно, что правы те, кто придерживается тезиса об этнической самостоятельности казачества. Но правы и те, кто утверждает, что развитие казачества нельзя рассматривать как чисто этнический процесс. К началу XX века казачество представляло военно-служилое сословие, часть русского народа.

Несмотря на большое количество различных теорий происхождения казачества, имеющих убедительное научное обоснование, ни одна из них на сегодняшний день не является общепринятой.

В дальнейшем, всестороннем изучении нуждаются как миграционная, так и автохтонная концепции.

И та и другая имеют изъяны. Особенно когда исследователи впадают в крайности, пытаясь определить конкретных предков казаков. Сторонники автохтонного происхождения относят казаков либо к косогам, алано-ясыям и бродникам, либо к другим древним известным народам, не учитывая динамику процесса этногенеза казачьих общин в более поздний период. Часть сторонников миграционной концепции тоже впали в крайность, всячески подчеркивая значимость происхождения казаков от беглых крестьян с территории Руси, Украины, Литвы, Польши, отстаивая гипотезу «воровского», «холопского» происхождения казачества, выдвигая на первый план не этнические, а социальные «классовые» моменты. Обе крайности особенно ярко проявились в зарубежной казачьей эмигрантской и советской официальной историографии и лишь осложнили приближение к истине. Загадка происхождения казачества по-прежнему не разгадана, а вокруг нее возникают околонуточные мифы. Именно поэтому крайне необходимо продолжать серьезные археологические, архивные и этнографические поиски и исследования, отрабатывать новые методы и теории, которые включали бы в себя положительные наблюдения различных гипотез и концепций автохтонного и миграционного происхождения казачества. Такой подход позволит лучше увидеть динамику зарождения казачьего этноса и внутреннюю логику его развития, учитывая влияние многофакторности этого процесса.

Возникновение и становление казачества как социальной общности происходило под сильным воздействием целого ряда факторов, среди которых достоверно можно выделить геополитический, социокультурный, демографический, социально-психологический, а также собственно географический и климатический.

Важно для исследователей не превозносить и не умалять влияния каждого из факторов на процесс исследования предмета в целом. Считаем крайне необходимым придерживаться принципа научной объективности, взвешенно относиться к аргументации другой стороны, прежде чем окончательно выносить какие-либо выводы и заключения, от которых в немалой степени зависят действия, предпринимаемые сегодня верховными органами власти и управления. В немалой степени от взгляда на данную проблему зависит и правовая обоснованность мер, осуществляемых ныне по возрождению казачества.

К сожалению, действия правительства, подчас имели не превентивный характер основанный на научных выводах и рекомендациях, а скорее носили полиативный характер, приводивший лишь к углублению проблем и созданию порой не нужных ситуаций. Их возможно было избежать не только на Кавказе, учитывая огромный исторический опыт казачьей жизни в данном регионе.

На современном этапе глобальных геополитических изменений, обусловленных распадом СССР и становлением новых национально-государственных образований, внимание историков и политологов привлекает концепция евразийства, историческая роль казачества в контексте этой модели, которую в основных чертах сформулировали в 20-х годах XX века русские ученые иммигранты: П. Н. Савицкий, Г. В. Вернадский, Н. С. Трубецкой, Л. П. Карсавин, И. А. Ильин и др.

На наш взгляд, евразийская концепция со всеми ее изъянами открывает широкие возможности для нового прочтения истории казачества и осмысления процесса его возрождения в современных условиях.

Станет ли возрожденное казачество традиционно интегрирующим социокультурным фактором в развитии российской государственности, а не только военно-охранительной силой в евразийском пространстве СНГ, покажет время.

Традиционный геополитический подход оставляет в тени ряд вопросов и в первую очередь, о роли в судьбе казачества не только России, но других государств – Турции, Персии, Польши, а затем и Китая. Они предпочитали «загрести жар чужими руками», руками своих тюркоязычных степных вассалов, крымских татар, ногаев и других народов Северного Кавказа и Закавказья.

Сегодня у этих государств появились заокеанские патроны и Евросоюз в первую очередь в лице Великобритании, извечного противника России в регионах Кавказа и Средней Азии.

Походы донских военных дружин часто финансировались и направлялись не только Россией, Польшей, но и сунитской Турцией против шиитского Ирана.

Казачи Степана Разина во время Каспийского похода разгромили регулярный иранский флот в составе 50 кораблей.

Всем сторонам было необходимо и выгодно иметь дополнительную, хоть и неподвластную и равноопасную военную силу на границах политического противника.

Казачьи объединения, впоследствии войска, возникали там и тогда, где Россия ставила задачи: 1) укрепления своего влияния; 2) колонизации территорий и 3) защиты границ. В результате казачество стало существенным евразийским компонентом социокультурной организации России. Оно легко воспринимало и адаптировало этнокультурные традиции «соседей – врагов», оставаясь самодостаточной общностью.

Вдумчивый историк не может поставить знак равенства между казачеством и беглым крестьянством.

Вполне логична версия славянского происхождения. Причем в трех вариантах. Источники дают немалую «пищу», позволяя выдвигать все новые трактовки.

Первая «Славянская» версия – продвижение русскоязычного населения к Югу по Дону, а не через Дикое Поле, подвергая себя опасности прямого столкновения со степняками-кочевниками.

Вторая – славянское движение, напротив, с низовьев Дона. Известно, что самым южным и самым удаленным от ареала древнерусского этноса, Киевской Руси было Тмутараканское княжество, простиравшее свои владения на значительную часть Северного Кавказа. Первая версия не исключает второй. В дальнейшем мы видим, как сами казаки различают себя на верховых и низовых. Причем и верховые и низовые считают низовых более древними по происхождению.

Третья версия славянского происхождения казачества связывает этот процесс с особым сословием Киевской Руси.

Представляется логичным объединить все версии славянского происхождения казачества, поскольку нельзя исходить из принципа разорванного, изолированного существования всех этих отростков русского этноса. При этом следует признать, что в формировании казачества принимали участие не только одни славяне. Можно выдвигать самые различные гипотезы относительно первоначального ядра, но это дело неблагодарное, в связи с недостаточным количеством исторического материала. Наука же должна основываться исключительно на достоверных фактах.

К числу таких факторов относится несомненное смешение в казачьем русском, украинского и тюркского языков, а также остготского, иранского, кавказских, западно- и южнославянского, литовского и др., но прямое поглощение грамматическим строем русского языка слов неславянского происхождения означает, что преобладающим этносом был русский.

Процесс этногенеза казачества невозможно рассматривать без обращения к проблемам формирования культуры в казачьем сообществе.

Казачья субкультура, часть общероссийской культуры – это не только обычаи, обряды и язык того или иного «войска» и общности населения. Это и основные занятия, организация быта и нравы, костюм и одежда, система образования и многое другое, что составляет культурную целостность исследуемой транспериферии.

Казачья культура обладает специфическими чертами, отличающимися от общекультурного пространства России, что заставляет некоторых исследователей говорить о ней как о культуре особого народа.

Нельзя представлять казака исключительно воином, выстраивать на этом сословные модели, как в исторической реконструкции, так и в понимании перспектив возрождения. Государственная служба в современных условиях – это не восстановление сословной структуры, а предоставление казачьему населению различных возможностей для трудовой деятельности на благо государства российского. Другое дело, что часть казачьих лидеров видит в этой службе исключительно административно-корпоративные преференции. Значит, надо казачьим сообществам избавиться от таких горе-атаманов, осаждают их и не избирать на очередной срок.

Казачество можно с полной уверенностью характеризовать как субэтнос, имевший тенденцию превращения в этническую целостность, которая была искусственно прервана окончательным юридическим закреплением в виде сословия в XIX – начале XX вв. упраздненного революцией и подвергнутого геноциду политикой «расказачивания».

Сложные этнические, социально-классовые и культурные процессы находились в стадии социогенеза, когда были прерваны очередной российской катастрофой и искусственно «заморожены». Сегодня в период мощного социального взрыва они вновь вышли на поверхность, вызвав весьма противоречивые оценки начавшегося возрождения или нового рождения казачества России.

Проблема возрождения казачества приобретает черты диаметральной противоположности: что собственно мы пытаемся возродить? Если квазисословие с военными атрибутами (в чем может быть сильно заинтересован политический режим) – это одно, а если как субэтнос с перспективой этнического, культурного, экономического развития – это совсем другое.

Основной этнической чертой казачества была высокая пассионарность.

Катаклизмы XX века привели к уничтожению пассионариев, вследствие чего казачество как субэтнос фактически перестал существовать. Следовательно, возрождение казачества – возрождение пассионарности, особого духа, нравственно-этических норм. А если возрождение пассионарности, то за счет кого?! И с какой целью?! С какой идеей?!

Исторический опыт казачества подсказывает, что становление суперпассионарности возможно только на основе социальной открытости общества, его этнической и религиозной терпимости. Нынешние «казаки», надевшие казачью справу и добровольно подчинившие себя иерархии военизированной субординации, проявляют стремление к замыканию казачества в сословную корпорацию, они заняты невольно воссозданием казачьего квазисословия, а не возрождением и развитием культуры субэтноса. Само деление «казаки – иногородние» содержит расхождение с досословными казачьими традициями и несет немалую опасность конфронтации на этнической почве. Более того, восстановление суперпассионарности, как духа казачества, невозможно в пределах исключительно корпоративной организации, сильно привлекающей маргинальные элементы (людей без четкой социальной ориентации), увлекающихся властью, а также желающих ее получить для осуществления своих целей.

В научных экспертных оценках тезис «ряженных» стал дежурным, но важно понять, что казаки имеют право на ошибки в своих действиях, как и любое другое сообщество. Пора перестать исходить из позиций исторического позитивизма – «хорошо – плохо». Не может по определению всем и всё нравиться в казачьем возрождении. Любая волна несет с собой пену. Надо помочь казачеству смыть с себя эту пену. Очевидно, что сегодня ни идея воли (автономии), ни идея служения Отечеству не могут играть определяющей роли в объединении возрожденного казачества. Вся практика мировых «возрожденческих» движений, начиная с эпохи Возрождения, показывает, что они никогда не стремятся создать копию того, что возрождают.

Новые российские реформаторы, как и их предшественники, большевики до сих пор не в состоянии разобраться в том, что казаки являются не только лишь упраздненным сословием. Во внедрявшихся схемах социальной стратификации общества казачеству как не было места, так и нет.

Актуальная и важная разработка теоретических основ этносоциальных процессов и уточнение таких понятий, как «этническая группа», «национальное меньшинство», «этническая идентификация», «этнический статус» и ряда других, в реалиях сегодняшнего дня. Этим вопросам посвящены работы как отечественных исследователей, например, Ю. Садовской, С. Панарина, О. Цибульской, Т. Регент, М. Аствацатуровой, Ж. Зайончковской, Н. Космарской, Е. Красинец, В. Мукомель, Э. Паина, В. Попкова и зарубежных авторов: Г. Ленски, Д. Горовиц, Б. Барбер, Р. Роуланд, Р. Кие, С. Тайфье, М. Тернер. Историческим аспектом формирования этнообщин посвящены работы С. Артановского, В. Дятлова, В. Григоряна, Ж. Ананяна, Г. Геворняка, Ф. Бродель, Л. Погосяна, И. Агасяна, В. Качатуряна и др.

Различия в достижениях разных народов объясняются исключительно географическими, политическими, историческими, экономическими, социальными и культурными факторами.

Эти различия ни в коем случае не могут служить предлогом для установления какой бы то ни было иерархической классификации наций и народов, но чем больше внимания будет уделяться возрождению казачьей культуры, тем выше будет значение этнического статуса казачества. Примечательно, что мультикультуризм является базисной тенденцией культуры казачества, исторически рожденной в далеком прошлом.

Этническая принадлежность – эмпирическая данность, освоение которой не требует ни особенного жизненного опыта, ни каких-либо сложных когнитивных процедур и отмечается устойчивостью. Этничность проявляется не сама по себе, а как следствие неспособности государства обеспечить защиту прав человека, как иммунитет на произвол. В таких условиях человек для организации своей самозащиты как бы возвращается назад, обращается к своим корням, приходит к пониманию того, что называется этническим самосознанием, к пониманию интереса своей этнической группы. С этих позиций возрождение казачества исторически закономерное общественное явление. Только в богатом и социально справедливом обществе не будет места казачеству.

Возрождения казачьей культуры, этнического самосознания, в современном российском государстве невозможно без создания соответствующего правового поля на основе серьезных научных выводов.

